

Экзистенциальный анализ

**Выполнила
Веджатова Лиля
П-13**

Понятие "экзистенциальный анализ" многослойно. Оно означает:

- 1) попытку онтологического обоснования психо(пато)логии и психотерапии;
- 2) связующее звено между философской и медицинской (в частности, психиатрической) антропологией;
- 3) разработку новых терапевтических подходов к лечению невротических и психотических больных.

Экзистенциальный анализ часто рассматривают как самостоятельный психотерапевтический метод, который применяется наряду с другими методами, например, с психоанализом, или вместо них. Однако в историческом плане экзистенциальный анализ возник не из потребности в изменении психоаналитического метода, а из недовольства недостаточным теоретическим обоснованием психоанализа и прежде всего психо(пато)логии и клинической психиатрии.

История

Экзистенциальный анализ возник в результате полемики психиатров, психо(пато)логов и терапевтов с экзистенциальным анализом Мартина Хайдеггера (1927) и представляет собой не просто продолжение, а трансформацию онтологического подхода в эмпирическую концепцию и метод, ориентированный на понимание конкретных жизненных процессов человека. Его основателем стал Л. Бинсвангер (1881 1966).

И все же это феноменологически-антропологическое направление исследования наиболее последовательно развивалось Бинсвангером. Название "экзистенциальный анализ" оно получило сравнительно поздно (в 1943 году) по инициативе швейцарского психиатра Й. Вирша5). Позднее М. Босс, обратившись к проблематике отдельных наук и оспаривая продуктивность разделения явлений на субъекты и объекты, попытался соотнести экзистенциальный анализ с идеями Хайдеггера.

Если экзистенциальный анализ обязан своим теоретическим фундаментом и научным обоснованием в первую очередь феноменологии Э. Гуссерля и экзистенциальному анализу М. Хайдеггера, то камнем преткновения для него все же всегда оставался психоанализ. Насколько экзистенциальный анализ, с одной стороны, обязан своим возникновением полемике с ним, и насколько сложно, с другой стороны, ему было оставаться в этих рамках, показывает следующий исторический экскурс.

Активный обмен мнениями между основателем психоанализа Зигмундом Фрейдом и основателем экзистенциального анализа Людвигом Бинсвангером продолжался с 1907 по 1938 годы, то есть до смерти Фрейда. Бинсвангер часто навещал Фрейда, а Фрейд гостил у Бинсвангера в Швейцарии. Фрейд ожидал многого, пожалуй, даже слишком многого, от отношений с Бинсвангером. После того как в 1911 году к Бинсвангеру перешла от отца частная лечебница для нервнобольных в Кройцлингене, Фрейд постоянно направлял к нему пациентов - иногда лечившихся до этого у него самого - для стационарного психоаналитического лечения.

В этот период сам Бинсвангер очень много работал в качестве психоаналитика и публиковал психоаналитические статьи в ежегоднике, издававшемся Фрейдом⁸). Поскольку Фрейд направлял к нему для продолжения лечения некоторых своих пациентов, в переписке между ними происходил оживленный обмен мнениями по общим терапевтическим проблемам. Бинсвангер видел в психоанализе новые возможности познания и терапии, но не принимал его доктрину. Он неоднократно описывал разные этапы своего соприкосновения с психоанализом.

Разработку Бинсвангером собственной концепции, его отход от Фрейда и вместе с тем предысторию экзистенциального анализа лучше всего можно проследить на примере того, как складывалась судьба "Введения в проблемы общей психологии". Этот труд, задуманный в 1912/1913 годах как систематизированный анализ отношений между естественными науками и психологией, с одной стороны, и психологии и психоанализа - с другой, в основной своей части должен был содержать теоретическое обоснование клинической психиатрии и психоанализа. Первая часть, посвященная Э. Блейлеру и Фрейду, появилась только в 1922 году¹⁰). В ней с позиций Дильтея рассматриваются, прежде всего, научно-теоретические условия их деятельности. Вторая часть, к великому огорчению Фрейда, так и не была издана. Причины этого следует искать не столько во внешних обстоятельствах, связанных с повседневной практикой, сколько в объективных проблемах, с которыми столкнулся Бинсвангер, когда после углубленного изучения феноменологии Эдмунда Гуссерля (начиная с 1916 года) он осознал естественнонаучную или объективистскую "твердолобость", как он это сам называл. Первое время пропасть между учением о бессознательном и феноменологическим идеалом метода казалась почти непреодолимой. Решение этой проблемы стало вырисовываться для Бинсвангера только в конце 20-х годов в результате ознакомления с экзистенциальным анализом Хайдеггера (Heidegger 1927).

Значение феноменологии Э. Гуссерля для экзистенциального анализа в разные периоды его истории менялось, пока, наконец, конституциональный анализ трансцендентного сознания психотических больных, основанный на интерпретации В Шиласи идей Гуссерля и разработанный Бинсвангером в его поздних работах (Binswanger 1960a,b, 1963, 1965), не сделал экзистенциальный анализ, ориентированный, главным образом, на представления Хайдеггера, чуть ли не устаревшим¹¹). В данном контексте мы ограничимся лишь кратким изложением принципов феноменологического подхода, который сохраняется в экзистенциальном анализе.

Вышеупомянутое противоречие "теории, свободной от теории" становится несколько более понятным, если учесть неоднозначность слова "теория". "Теория" в значении естествознания и наук, ориентированных на него, обозначает систему гипотез, которые можно проверить на основе опыта и с помощью эксперимента, причем эти методы проверки в той или иной степени доказали свою надежность. В рамках такой концепции реальности сущность "теории" состоит в том, что благодаря ей явления (возможно, конкретизированные с помощью модельных представлений, но сами по себе не конкретные) объясняются структурой условий, а внешняя реальность трактуется как то, что ею обусловлено, или как эпифеномен. При этом познание понимается как вЭдение, позволяющее человеку раскрыть констелляцию условий и тем самым контролировать их; этому соответствует также "диагностика" в медицине, ориентированной на естественные науки.

Вместе с тем существует и другое понятие "теории", которое восходит к греческому значению слова *theoria*. В этом смысле теория означает "созерцание" как полную противоположность практике, позволяющей властвовать над всем сущим, мотивирующей подход, который направлен на анализ условий, и определяющей техническое отношение позитивистских наук к миру.

Следовательно, феноменология не означает простого описания, в значении которого иногда употребляют это слово представители естественных наук. Наиболее употребительное по сей день определение понятия феноменологического- в противоположность простой ориентации на феноменальное - дается в работе Хайдеггера (Heidegger 1927, 28 etc.). То, что должно быть в феноменологии "феноменом", - это не внешний аспект предмета, а прежде всего "логос". Таким образом, феноменология, вопреки широко распространенному неверному мнению, ведет не к абсолютизации поверхностного аспекта мира, а к радикализации принципа опыта. Наглядной данностью должно быть не только то, что воспринимается с помощью органов чувств; речь также идет о структурах, делающих воспринимаемый предмет разумным и понятным. В конечном счете такая радикализация принципа опыта сводится к постулату об изменении познавательной способности.

Экзистенциально-
аналитическая
концепция

Для понимания экзистенциального
анализа важно иметь четкое
представление о следующих значениях
слова "быть":

- 1) субъектном
- 2) семантическом
- 3) относящемся к присутствию в
настоящем времени.

1. В первом случае следует вспомнить о гамлетовском "быть или не быть". Жесткое разделение субъективного и объективного бытия следует трансцендировать в направлении смысла "быть", который не зависит от этого разграничения. Учитывая современную тенденцию к объективизации любой ценой, этот смысл, пожалуй, проще достичь через рефлексию субъективного бытия, а не через новое понимание объективности объекта.

2. Не менее важно, чем субъектный характер, семантическое значение слова "быть". Из этого понятия следует устранить все статичное. Оно обозначает событие, то есть "событие", то, в чем в данный момент находится человек и чем он живет.

3. "Быть здесь" ("присутствовать") означает "настоящее время" в смысле реальных событий. В противоположность этому при констатации чего-то уже имеющегося в качестве временной формы глагола существует "прошлое". Однако речь здесь не идет о выделении настоящего как одной из форм времени среди прочих; точно так же бытие не означает конкретного местонахождения (присутствия) или конкретного времени (настоящего), исключаящего прошлое и будущее.

Отсюда проще всего прийти к пониманию экзистенциально-аналитического подхода к истории жизни или болезни. Еще в 1927 году Бинсвангер разграничил понятия функции жизни и внутренней истории жизни (Binswanger 1947, 50 etc.). Он уточнил их в рецензии (Binswanger 1931) на книгу "Событие и переживание" Э. Штрауса (Straus 1930). Идея "внутренней истории жизни" - возникшая в результате более чем двадцатилетней психоаналитической практики - носила на себе печать психоанализа, но в конечном счете психоаналитической трактовкой не ограничилась.

Экзистенциальный
анализ как
герменевтика история
ЖИЗНИ

Клиническая психопатология и психоанализ отличаются друг от друга, помимо прочего, тем, что в первом случае акцент делается на формальных, а во втором - на содержательных аспектах переживания. Своеобразие экзистенциально-аналитического подхода позволяет понять тематику и форму существования человеческой жизни в их взаимосвязи. Основные понятия психоаналитического исследования, такие, как "объектные отношения", "реальность" (принцип реальности), "Оно", "Я", "Сверх-Я" и т. д. не просто выступают как некие модельные представления, а словно инородные элементы "вставляются" в открытый вопрос об историческом становлении и построении специфического бытия в мире. При этом главный вопрос - это вопрос о специфическом соединении составления и осуществления плана как основе отдельных психических расстройств или ограничений.

Путь от психоаналитической практики к экзистенциальному анализу проще, короче и характеризуется менее острой конфронтацией, чем путь от психоаналитической теории к экзистенциальному анализу. Прежде всего речь здесь идет не более чем о важных смещениях акцентов. В этом Бинсвангер и Босс, как бы ни расходились они в остальном, были единодушны. Как ни парадоксально, но именно "техника" и есть то, что связывает психоанализ с экзистенциальным анализом. Прежде всего, Босс постоянно указывал на то, что безоценочное, свободно парящее внимание, рекомендованное Фрейдом аналитику в качестве базисной установки, во многих важных пунктах совпадает с экзистенциально-аналитической установкой²⁸). Отказ аналитика от всякого самовольного вмешательства в долгий, трудный процесс "вспоминания, повторения и переработки" (Freud 1914) можно рассматривать как особую, приносившую к отношениям между врачом и пациентом ерочий²⁹).

Создается впечатление, что функция этих подчеркнуто механистических аспектов психоаналитических модельных представлений состоит, помимо прочего, в том, чтобы дать аналитику опору в объективирующем, технократическом сознании и тем самым не дать ему потеряться в открытости человеческих взаимоотношений. Экзистенциальный анализ отказывается предоставлять такую поддержку. В его консеквентности заложен более радикальный самоанализ аналитика, где объектом рассмотрения становятся не только контрпереносы аналитика, но и используемые конструкты, будь то повседневные представления, с помощью которых донаучное сознание надеется постичь другого человека, или технические модели, с помощью которых научное исследование, в частности, психоанализ, пытается раскрыть психическую жизнь и сделать ее управляемой. Это означает, что терапевт, работающий в рамках экзистенциально-аналитической теории, должен быть готов отказаться от своих теоретических конструктов и модельных представлений.

На практике это приводит к тому, что проработка прошлого, хотя и принимается в расчет на всем протяжении терапии, но все же не выдвигается на первый план в такой степени, как в классическом психоанализе. В связи с отказом от жесткой схемы интерпретации, которая в первую очередь способна охватить генетические детерминанты, большее значение приобретает связь нынешней ситуации, а также прошлого с будущим. Это проявляется уже в подчеркивании в экзистенциальном анализе категории возможного (Heidegger 1927, §§ 31, 53) 30) как неотъемлемого момента бытия. Бройтигам (Brdutigam 1961) включил эту экзистенциально-аналитическую идею в теорию аналитической психотерапии и противопоставил преобладавшей до сих пор "генетически-детерминистской" установке установку, "открытую настоящему". Это только один из примеров того, в какой степени экзистенциальный анализ повлиял на психотерапию даже там, где она отнюдь не объявляет себя "экзистенциально-аналитической". Впрочем, при антропологической направленности различных психотерапевтических течений после Второй мировой войны речь не идет исключительно о воздействии экзистенциального анализа в узком смысле - речь идет о гораздо более широком движении, которое в экзистенциально-аналитических концепциях всего лишь нашло наиболее ясное и систематизированное в методологическом отношении оформление.

Различие между психоаналитической и экзистенциально-аналитической терапией проще всего показать на примере того значения, которое придается "переносу" и "сопротивлению". Плодотворность модельных представлений, связанных с этими двумя понятиями, экзистенциальным анализом не ставится под сомнение. Однако он с особой настойчивостью показывает, что преобладание определенных рабочих гипотез не может не оказывать влияния на отношение терапевта к пациенту. Прежде всего экзистенциальный анализ обратил внимание на то, что такое вторжение, связанное с добросовестным и полным использованием рабочих гипотез, очень легко выходит за рамки поставленной цели и деформирует отношения между врачом и пациентом. Это привело к тому, что наряду с механизмами переноса больше внимания стало уделяться первоначальной (раскрывающей будущее) встрече как важному моменту излечения. Поэтому мы никак не можем согласиться с Кондрау (Condrau 1963), который считал, что "любовь, проявляющуюся при переносе, нельзя воспринимать иначе, как настоящее человеческое отношение анализанда к аналитику". Такое утверждение было бы не менее односторонним, чем противоположное утверждение.

Некоторые авторы также пытались свести различие между психоаналитической и экзистенциально-аналитической терапией по Боссу к простой формуле: "Там, где первая задает вопрос 'почему?', вторая спрашивает: 'Почему не?'" Это - полемически заостренное упрощение, которое, однако, не так уж далеко от истины. Босс (Boss 1971, 563) совершенно определенно признал, что этот вопрос является "сердцевинной" его терапии. В целом, вера в освобождающую силу психотерапии в смысле раскрепощающей "опережающей заботы" [vorspringende Fuersorge], как это назвал Хайдеггер (Heidegger 1927, §26, 121-122, 263-264, 297), в экзистенциально-аналитически ориентированной психотерапии более велика. Последняя рассматривает себя как новое обоснование сократовской майевтики, когда и психотерапевт также задается вопросом о собственном существовании.

Что касается техники и сеттинга, то экзистенциально-аналитическая терапия по сравнению с психоанализом в меньшей степени определяется жесткими правилами. И в ней тоже во многих случаях предпочтительным считается использование кушетки. Это может оказаться уместным прежде всего при работе с пациентами, которые в остальном живут преимущественно "в вертикальном направлении смысла" (Бинсвангер); "горизонталь" имеет для них помимо прочего терапевтический символический смысл, на который прежде всего обращал внимание Босс. Сопротивление использованию кушетки, как и любое сопротивление, нужно тщательно исследовать с точки зрения того, в какой мере в его основе лежат не только невротические, но и "аутозащитные" негативные чувства. Столь же активно, как и против абсолютизации рабочих гипотез, экзистенциальный анализ выступает также против жестко установленных техник. Его задача состоит в том, чтобы дать больший простор фантазии терапевта, продуктивным мгновенным инсайтам, то есть творческому началу в терапии.

Спасибо за внимание!